

Давыдова С. И., Давыдов О. Б.

[К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ \(ОТ АНТИЧНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ\)](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/12.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 40-43. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

людьми, включая самые близкие и интимные.

М. Фуко напоминает, прежде всего, что в течение долгих веков, предшествующих эпохе просвещения и буржуазных революций, "отличительной чертой права сюзерена было право на жизнь и смерть его подданных. Но в классическую эпоху Запад пережил глубокую трансформацию подобных механизмов власти. Власть стала находить свою легитимность в обеспечении эффективного функционирования социального тела во всем многообразии его жизненных функций.

С XVII века власть над жизнью начала развиваться в двух основных формах, образующих как бы два полюса власти, между которыми располагается целая сеть промежуточных форм. Первый полюс – власть над телом как машиной, его дрессура, увеличение его способностей, выкачивание его сил, параллельный рост его полезности и его покорности. Для этого развивалась целая система различных дисциплинарных институтов: школы, колледжи, казармы, мастерские. В связи с этой системой институтов складывается определенная система знаний о человеке, характеризуемая Фуко как «анатомическая политика человеческого тела».

Второй полюс власти над живым образуют формы, складывающиеся позднее, к середине XVIII века. Это власть над телом как особью биологического вида и связанными с ним биологическими процессами: размножением, рождением и смертью, выражающимися в показателях здоровья, продолжительности жизни и прочее. В этой сфере власть осуществляется в виде регулирующего контроля – «био-политика народонаселения».

Право сюзерена лишить подданного жизни заменяется, по выражению Фуко, администрацией тела и расчетливым управлением жизнью. Такая власть над жизнью рассматривается им как необходимый элемент развития капитализма, ведь последний не мог бы утвердиться без включения тела в систему производства и приспособления поведения популяции к экономическим процессам [Там же, с. 218-246].

В XIX веке в Европе свирепствует моральная цензура. По соображениям благопристойности запрещаются произведения Ронсара, Лафонтена, Руссо, Вольтера и других писателей. В 1857 г. во Франции состоялось два судебных процесса – над Г. Флобером и Ш. Бодлером, в результате которых автор «Госпожи Бовари» был все-таки оправдан, а некоторые стихотворения Бодлера были запрещены вплоть до 1949 года. Ситуация начала постепенно меняться только в следующем столетии.

В XX веке происходят глубокие перемены в культуре. Прежде всего, налицо крах антисексуальных установок христианской культуры и псевдонаучных обоснований. Общество перестает видеть в телесности и сексуальности нечто постыдное и низменное. Реабилитированный эротизм находит разнообразное преломление, как в массовой, так и в «высокой» культуре, будь то литература, кино или изобразительное искусство. Происходит сужение сферы запретного.

Список литературы

- Бахтин М. М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
- Кон И. С.** Введение в сексологию. М.: Медицина, 1990. 336 с.
- Фрейд З.** Очерки по психологии сексуальности // Фрейд З. Я и Оно: сочинения. М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во «Фолио», 2003.
- Фуко М.** История сексуальности // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы различных лет / пер. с франц. М.: Кастал, 1996. Т. 1. Воля к знанию. Т. 2. Использование удовольствий.
- Фуко М.** Рождение клиники / пер. с франц. М.: Смысл, 1998. 310 с.
- Фукс Э.** Иллюстрированная история нравов / пер с нем. М.: Тера. 1996. Т. 1. Эпоха Ренессанс. Т. 2. Буржуазный век.
- Foucault M.** Histoire de la folie à l'âge classique. Edition Gallimard, 1972. 528 p.

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (ОТ АНТИЧНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ)

Давыдова С. И., Давыдов О. Б.

Дальневосточный государственный гуманитарный университет, г. Хабаровск

В основе нашей работы лежит методологическая установка, что вся история человеческой мысли имеет три фундаментальных эпохи - премодерн (традиционное общество), модерн (общество Нового времени) и постмодерн (индустриальное общество), которые с эсхатологической неумолимостью движутся в направлении все большей апостасийности.

В соответствии с философским дискурсом мы определяем парадигмы премодерна, модерна и постмодерна и рассматриваем их в «синхронической оптике», методом, которой был использован как западными мыслителями (Р. Генон, Ю. Эвола, К. Леви-Строс, М. Фуко и др), так и отечественными П. Данилевским и К. Леонтьевым, а в наше время – А. Панариным, А. Дугиным [1, с. 232-243].

Сущность постмодерна заключается в отрицании модерна без возвращения в премодерн. Представить этот процесс сложно, потому что мы еще живем в состоянии фазового перехода от одного к другому от «все

к поствсе». В философии современности (модерне) всегда существовала идея о некоей высшей истине, лежащей в центре мироздания и предопределяющей ее устройство. В постмодерне о целом, скрытом, глубоком, внутреннем, существенном - вопрос не ставится: происходит передвижение от одного энергетического узла к другому не задумываясь об общем устройстве этой реальности, так как идея всего исчезает, как исчезает и понятие нормы.

«Смерть субъекта» в современной философии уже не представляется чем-то неестественным. Распад шел и продолжается по разным, но сходящимся направлениям, отталкивающимся от классической концепции субъекта (Платона, Аристотеля, Боэция, Канта).

Древняя эллинская философия, «первая теология», не имевшая еще понятия о личности, как о том, что превосходит человеческое естество, билась как птица, пойманная в сети мира, стремящаяся в свое первоначальное лоно – мир идей. Философия Платона стала краеугольным камнем всей философской традиции, и как не воскликнуть вместе с Флоренским: «Вот он, с преклоненной, задумчивою головою! Что он: прислушивается ли к горным песням иного мира, или, быть может, как раз в этот момент его приосеняет невидимое благословение Грядущего Слова? Кто знает? Но как после бюста Платона и глаза не глядят на бюсты иных мыслителей, так после творений его кажутся серыми, грубыми и земными писания их. Какие маленькие они в сравнении с этим провидцем-философом, безупречным общественным деятелем, чутким воспитателем, вдохновенным поэтом!» [8, с. 23]. Почему так близка и далека одновременно, желанна и ненавидима дуалистическая философия Платона каждому узнавшего ее человеку, а в особенности предающемуся ее творческому переосмыслению?

Переболев смерть учителя, отвергнув сократовский социальный и метафизический оптимизм, Платон явил новое неслыханное учение – идеализм. Тот мир, в котором праведник должен умереть за правду – не настоящий, не подлинный, но есть другой мир – в котором правда живет. Платон остро почувствовал противоположность между должным и действительным, между истинным нравственным порядком и существующим стрем данного общежития.

Но, несмотря на наименование некоторыми из Отцов Церкви Платона «христианином до Христа» - «Философия – это человеческое дело. Философия временна – логически и исторически. Она меняется в истории, хотя и способна всегда узнать себя, и закончится с прекращением здешнего зона» [2, с. 343]. Высота ума, на которую «божественный Платон» возвел человеческое разумение все чаще с ходом истории превращалась в свою противоположность – бездонную глубину падения и отрыва от Истины, что и произошло в последствии и с самим Платоном. Это - неизбежное следствие попыток «вознесения к раю» полагаясь лишь на свои силы, а в особенности мыслительные способности.

Сегодня мы являемся свидетелями отказа от метафизики, от тысячелетней традиции философского восхождения человека к началам, к бытийственной основе мира. Корень этой ситуации уходит в глубь самого учения об идеях. Один из основателей постмодернизма Ж. Делез писал: «Вообще говоря, мотив теории идей должен быть обнаружен в избирательной способности, воле к отбору или предпочтению. Его можно рассматривать как проблему "отмечания разницы" и проведения различий между "вещью" как таковой и ее образами, оригиналом и копией, моделью и симулякром» [3, с. 34].

Если определить симулякр как копию копии, бесконечно деградирующее изображение, бесконечную потерю подобия, то, в таком случае, утрачивается самое существовавшее - само различие между природой подобия и природой симулякра, которое определяет тот основной аспект, за счет которого они образуют две половины одной единой области. Копия является образом, обеспеченным подобием. Симулякр же - образ, лишенный подобия.

Исходная предпосылка об изначальном и парадоксальном холизме образа и подобия, затем утраты последнего и необходимости восстановления совершенства путем «обожения» была развита раннехристианскими апологетами и позднейшими учителями и отцами Церкви. Не игнорируя, но, творчески преодолевая и используя для прояснения рациональных оснований своей веры, христианские мыслители использовали античную мудрость.

Боэций, используя учение Аристотеля о сущности, ввел в оборот понятие «индивидуальной субстанции»: «Определение личности найдено: она есть индивидуальная субстанция разумной природы: *naturae rationalis individua substantia*» [10, с. 12]. Личность равна своей природе, образ Божий, предполагающий господство самодостаточного разума – вот начало и конец всей последующей метафизики Европейского средневековья, оно же – философская платформа Возрождения и последующих катастроф Реформации и секуляризации.

Антиэссенциализм антропологии восточно-христианской мысли выражается в гармоничном использовании неоплатонического метода апофатического познания Божественной сущности, определение, как ограничение: «Так вот, утверждая что-либо о Том, Кто превосходит любое утверждение, в своих суждениях о Нем нам следует исходить из того, что наиболее присуще Ему по природе, а в отрицательных суждениях о Том, Кто превосходит любое отрицание, следует начинать с отрицания того, что наиболее отличается от Него по природе. В самом деле, ведь не в меньшей же степени является Он жизнью или благодатью нежели воздух или камень? И не более ли трезв Он и беззлобен, чем мы можем сказать или помыслить об этом?» [6, с. 340].

Центральным концептом в учении о человеке становится «энергия», как динамическая онтология свободы. Эта концепция не рассуждает о составе человека, о его сущностях и субстанциях, она практически рабо-

тает с человеческими энергиями. В пределе любых действий всегда имеется цель – бытийственная трансформация, «обожение», восстановление утраченного подобия.

Отрицая таким образом, эссенциалистскую антропологию, и все связанные с ней спекулятивные умозаключения, восточно-христианская антропология сходится в этом пункте с постмодернистской деконструкцией, направленной на разрушение утерявшей подлинный смысл спекулятивной философией. Но когда «Деконструируется и сама деконструкция, тогда не остается ничего привычного, постоянного, устойчивого. И только густой туман отрывочных восприятий и неоконченных мыслей клубится над руинами минувшего величия» [6, с. 45] не происходит положительного – построение нового, взамен демонтированного. Для того же, кто идентифицирует себя как человека, а значит мыслящего, страждущего, а главное, способного преодолеть свою природу, предельно обостряется вопрос об осмыслении и обретении своей бытийственной основы, для того заря «Нового человека» уже угадывается на горизонте жизненного мира.

В Новое время (модерн), когда «Бог умер», Ф. Ницше заговорил уже об аутотрансформации, то есть самопреодоления индивида на пути к телосу, которому он дал имя «сверхчеловек». И еще более несомненно, что каким бы ни был этот духовный телос, он размещал его - уже в отличие от парадигмы духовной практики – не в инобытии, которое полностью отрицалось, а в наличном бытии. Восхождение к сверхчеловеку мыслится как беспощадная селекция природы: «Слабые и неудачники должны погибнуть. И им должно еще помочь в этом» [4, с. 3-5].

А. Дугин пишет: «Нигилистическая программа гуманизма, которая отсекала от человека все другие вне-человеческие реальности – и высшие, и низшие - закончилась, исполнившись целиком. Автономный индивид был получен. Он был экономически спроецирован в рыночную экономику, в политическую систему демократии, в глобальную доминацию Запада над всем миром. Что дальше?...и тогда состоялся переход от человека системы модерна к постчеловеку постмодерна» [9, с. 430-435].

В чем заключается переход к постчеловеку? В процессе модернизации мы дошли до атомарного факта в лице человека как такового, который стал «мерой всех вещей». Но теперь нам надо двигаться дальше, потому что он - человек модерна – устроен так, что не может стоять на месте, не может не отрицать. Но отрицать больше нечего, значит он начинает отрицать самого себя и теперь «вещи становятся мерой человека»

Здесь возникает главный антропологический феномен постмодерна – индивидуум (неделимый, самодостаточный) становится дивидуумом (делимым). Отныне мы настраиваем человеческое сознание на явления ниже человеческого порядка, на явления инфрачеловеческие. Субститутом такого индивидуума может, между прочим, являться отныне структура его генома, которая ответственна не только за наличие индивидуальных качеств, но и за наличие индивидуальных событий. Поскольку геном можно разложить на составляющие, он может являться эквивалентом штрихкода. Если это так, то мы теоретически получаем возможность самых разнообразных операций с индивидуумом – его разложение, его сложение, его умножение, его деление, его умножение, его транспортирование по сети.

Дивидуум неизбежно вынужден идти по пути, о котором написали в нашумевшей «Империю» Негри и Хард воля «быть против» нуждается в теле, которое принципиально не способно выполнять команды, которое неспособно к семейной жизни, к заводской дисциплине, к упорядочиванию нормативной половой жизни. Стремясь выйти за ограничения и пределы эта постмодернистская субъектность будет все более неуловимой и неопределенной. Это фундаментально изменит и само понимание мышления. Клоны начнут постмыслить в режиме «локальных дискурсов». Постгносеология постмодернизма порождает образ постмодернистского текста. Этот текст допускает множественность авторов одного и того же высказывания и одновременно множество противоречивых абсурдных высказываний. Они пластуются хаотическим игровым образом, а так как автора нет, то любой текст обнаруживает себя как многоуровневое цитирование. Мир, разум, человеческая речь, тела, реальность, священные тексты, храмы, иконы все мыслится как постмодернистский текст. И субъект и объект познания исчезают - возникает гиперреальность и симулякр, где по Бодрийеру «симуляция истинней, чем истина».

После цитирования современных апологетов постмодерна хочется живительного глотка, который мы сделаем, зачерпнув его из работы «Столп и утверждения истины» П. Флоренского. Неужели все так безнадежно. Неужели стратегия и тактика ада так непобедима? Павел Флоренский пишет, буквально о человеке постмодерна: «При таком разделении ни свобода, ни образ Божий человека не уничтожены, но - только разъединены. Никому не бывает «Ты», тот для кого никто - не «Ты», Таковой – чистая мнимость, сущая мнимость, сущая только для себя. И символом его может служить кусающая себя змея. Это именно - «пустая кожа» личности, но без тела – личина не имеющая субстанциональности. Вообще же этот процесс разделения частичен, так что отсекается лишь поврежденная и пораженная грехом часть самости... во Христе дано каждому человеку его основание, «сам» он подлинный. И, если худо и не соответственно себе надстроил это основание, То его надстройка сгорит перед взором Того, который воплощает в себе полноту идеала, Но, говорит Апостол Павел, несмотря на гибель дела, несмотря на охвативший всего человека огонь, - сам он спасется. То, что дано Христом человеку, как человеку не может прейти, иначе погибал бы образ Божий. но он должен остаться, святое остается, святая сущность человека спасется» [9, с. 252].

Список литературы

1. Генон Р. Восток и Запад. М.: Слово, 2005.

2. Геронимус А. Прот. *Философия и исихия* // Слово. 1995. № 3.
3. Жиль Делез. *Платон и симулякр*. М.: Логос, 1998.
4. Ницше Ф. *Сумерки идолов*: соч. в 2-х т. М., 1990. Т. 2.
5. Полтавченко И. М. *Кризис идентичности в постмодерне* // *Философия хозяйства*. 2005. № 3.
6. Мейендорф И., прот. *Введение в святоотеческое богословие* // *Христианская жизнь*. Клин, 2001.
7. Дугин А. *Постфилософия*. М., 2009.
8. Флоренский П. А. *Общечеловеческие корни идеализма*. М., 1999.
9. Флоренский П. *Столп и утверждение истины*. М/, 1999.
10. Хоружий С. С. *Критические очерки европейской антропологии*. М.: Парад, 2005.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Двали И. Г.

Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова

На сегодняшний день образовательный критерий является главной составляющей пропуска в различные социальные сферы, такие как сфера науки, образования, информационная сфера, топ-менеджмент и т.д. Институционализация женских и гендерных исследований в сфере образования развивается как повседневная политическая и когнитивная практика, в результате которой должно происходить переосмысление и перестройка гендерных властных отношений.

Американская исследовательница Джоан Скотт в своей статье «Гендер: полезная категория исторического анализа» подчеркивает, что гендер - это своего рода средство обозначения властных отношений. Гендерные отношения легитимируются и конструируются посредством четырех взаимодействующих элементов:

1. система образов и символов, характеризующих «мужчину» и «женщину» в культурной традиции;
2. субъективное самовосприятие и самосознание личности;
3. комплекс норм. Они могут быть религиозные, образовательные, научные, правовые и носят четко выраженный характер бинарной оппозиции. В историческом плане это проявляется так, что «позиция, которая оказывается доминирующей, объявляется единственно возможной».

Последующая история пишется так, как будто эти нормативные концепции являются продуктом социального консенсуса, а не конфликта» [Скотт, 2001, с. 423]. Задачей женских и гендерных исследований, а также междисциплинарных дисциплин, занимающихся гендерными проблемами, является преломление устоявшихся гендерных стереотипов, оптимизация гендерной асимметрии в обществе. Решать поставленные задачи предназначены социальные институты – четвертый элемент данной системы – среди которых центральное место занимает система образования. Гендер конструируется посредством системы образования. Образование является мощным фактором социализации личности, его воспитания. Образование не только обеспечивает непрерывность общественного воспроизводства социальных общностей и индивидов, но и может являться агентом существенных социальных трансформаций и определяющим элементом развития гендерных отношений.

Первая стадия развития женских исследований возникла в США в конце 1960-х годов. Основной задачей данного этапа являлось создание академической дисциплины женских исследований. Главными отличиями женских исследований от всех предшествующих дисциплин академической направленности в русле психологии, истории и т.д. было то, что они были ориентированы на критику существующих наук, на критику общественного устройства, имели основания в феминистской теории и носили междисциплинарный характер [Пушкарева, с. 20].

Появление женских исследований было обусловлено критичным переосмыслением роли женщины в общественной жизни, недостаточным пониманием жизни женщин. Многие университетские преподаватели и ученые говорили о необходимости оформления отдельных программ, где в центре внимания стало бы изучение уникального женского опыта с позиции женщин, а не с точки зрения мужской перспективы. В 1977 г. была создана Национальная ассоциация женских исследований, которая занималась разработкой и распространением университетских программ женских исследований.

К началу 1980-х гг. относится вторая стадия развития женских исследований. Основной целью этого периода была общенациональная институционализация женских исследований в системе высшего образования США. О. А. Воронина подчеркивает, что «институционализация женских исследований в университетах привела не только к их качественному росту. Настоятельно проявились требования более систематично относиться к феминистской теории, сделать более ясным методологический подход к ее основным понятиям» [Воронина, с. 68].

Третья стадия развития женских исследований относится к середине 1980-х годов и связана с акцентированием внимания на развитии мультикультурализма. Мультикультурализм — это политика, направленная на развитие и сохранение в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, и обосновывающая такую политику теория или идеология. Мультикультурализм предполагает параллельное развитие и существование различных культур в одной массовой культуре. Женские исследования в русле мультикультурализма учитывают опыт женщин всех рас, различных этнических и социальных групп, а также сексуаль-